

Происхождение Гедимины: дискуссионные аспекты проблемы

Риер Я.А.

Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова», Могилев

В статье рассматривается одна из самых выдающихся фигур ранней истории Великого княжества Литовского – Гедимин. Автором поднимаются дискуссионные вопросы, связанные с происхождением основателя династии Гедиминовичей; изучается проблема идентификации принадлежности Гедимины к определенной династии; анализируются известные в исторических нарративах версии о способе и времени его прихода к власти.

Цель статьи – анализ наиболее дискуссионных аспектов прихода Гедимины к власти (происхождение правителя, степень родства с его предшественником Витенем, время и способ получения престола).

Материал и методы. Исследование проведено на основании изучения и анализа данных русских, белорусско-литовских летописей, польских хроник, а также нарративов, созданных на территории Немецкого ордена. Привлечен широкий круг исследований, посвященных изучению эпохи Гедимины. Используются общ исторические и специальные методы, в том числе сравнительно-исторический, формально-типологический, историко-системный, проблемно-хронологический, историко-генетический.

Результаты и их обсуждение. Одним из наиболее дискуссионных историографических вопросов, связанных с началом правления Гедимины, является проблема его происхождения, которое в различных источниках варьируется от узурпатора престола незначительного происхождения до кровного родственника Витеня (сына, брата, кузена, др.), унаследовавшего место князя после его смерти. На появление данных теорий сильное влияние оказали социо-политические условия создания источников, содержащих подобные сведения (острое противостояние ВКЛ и Немецкого ордена, идеологическая и политическая борьба ВКЛ и Московского государства, стремление противников ВКЛ принизить правящую литовскую династию, а также создание ответной концепции легального правления в среде знати ВКЛ). Остается также открытым вопрос о том, был ли Гедимин родственником Витеня. Среди распространенных версий в современной историографии выступает теория о том, что Гедимин являлся братом Витеня. Рассматриваются также существующие версии их отношений как сына – отца, дальних родственников, а также не связанных родственными узами представителей нобилитета.

Заключение. Имеющиеся в сохранившихся источниках данные не позволяют точно ответить на вопрос о происхождении Гедимины (его принадлежности к определенной династии, родственных связей с Витенем), и открывают поле для дальнейших исследований. Вполне вероятно, что Гедимин был если не сыном или братом Витеня, то, по крайней мере, его близким родственником, так как уже в начале XIV в., еще до смерти правителя Литвы, он обладал значительной силой, участвовал в военных акциях и был известен хронистам, что позволило историкам даже говорить о диархии Витеня и Гедимины. Остается также открытым вопрос о способе получения Гедимином власти над Литвой, хотя представляются очевидными его сильные политические позиции еще при жизни Витеня, а значит – легальные права претендовать на престол в условиях складывающегося государства.

Ключевые слова: Гедимин, Литва, Великое княжество Литовское, княжение, правитель, власть, происхождение, легальность.
(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 42–47)

The Origin of Gedimin: Controversial Issues of the Problem

Ryier Y.A.

Education Establishment "Mogilev State A.A. Kuleshov University", Mogilev

The article deals with one of the most extraordinary figures in the early history of the Grand Duchy of Lithuania – Gedimin. The author points out the controversial issues concerning the origin of the founder of the Gedimins line. studies the problem of his affiliation to a particular dynasty. analyses the versions describing the way and the time of Gedimin's rise to power.

The purpose of the study is the analysis of the most controversial issues concerning Gedimin's coming to power (origin of the ruler; degree of kinship with his predecessor Vytenis, time and method of obtaining the throne).

Material and methods. The study was carried out on the basis of data from Russian, Belarusian-Lithuanian and Polish chronicles, as well as narratives created on the territory of the German Order. A wide range of studies devoted to the study of the Gedimin epoch was involved. General historical and special methods of research: comparative-historical, formal-typological, historical-systematic, problem-chronological, historical-genetic were used.

Findings and their discussion. One of the most controversial historiography issues concerning the beginning of Gedimin's reign is the problem of his origin, which in different sources varies from the usurper of the throne of an unknown origin to the blood relative of Vytenis (son, brother, cousin, etc.), who inherited the position of the prince after his death. The emergence of these theories was strongly influenced by the social and political conditions for creating sources containing such information (strong confrontation between the Grand Duchy of Lithuania and the German Order; the ideological and political struggle of the Grand Duchy of Lithuania and Moscow State, the desire of opponents of the Grand Duchy of Lithuania to belittle the ruling Lithuanian dynasty, as well as the creation of a reciprocal concept of the legal rule in the noble surrounding of the GDL). One more issue is whether Gedimin was Vytenis' relative. One of the most widespread versions in modern historiography is the theory that Gedimin was Vytenis' brother. One can also find versions of their relationship as the son – the father; distant relatives, as well as representatives of different family lines of the nobility.

Conclusion. The data of the surviving sources do not allow us to answer the question of the origin of Gedimin (his belonging to a certain dynasty, kinship with Vytenis). This makes it possible to carry out further research. It is likely that Gedimin was, if not Vytenis' son or brother, then at least his close relative, since already at the beginning of the 14th century, even before the death of the ruler of Lithuania, he possessed considerable power, participated in military actions and was known by the chroniclers, which allowed historians to discuss possible diarchy of Vytenis and Gedimin. The way Gedimin obtained his power over Lithuania also remains unanswered, although his strong political position during Vytenis' lifetime is obvious, which means that he had legal rights to claim the throne during the development of the state.

Key words: Gedimin, Lithuania, the Grand Duchy of Lithuania, reign, ruler, power, origin, legality.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 42–47)

Одной из самых неординарных политических фигур на раннем этапе становления Великого княжества Литовского (далее ВКЛ) является Гедимин – правитель Литвы, известный своей гибкой политикой лавирования между язычеством и христианством, успешными военными походами против Немецкого Ордена, заключением династического союза с польским королем, но главное – основатель династии Гедиминовичей, правящей государством на протяжении последующих нескольких веков.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных различным аспектам политики Гедимина, как в белорусской, так и в литовской, польской, украинской и в меньшей степени в российской историографии, до сих пор остается открытым ряд вопросов, связанных с его приходом к власти, а также легальными правами на престол. Кроме того, интересным с точки зрения историографии и анализа исторической памяти является различие в представлении Гедимина как правителя в восточнославянской и западной нарративных традициях, обусловленными различными социо-культурными и политическими условиями создания того или иного письменного источника. Осложняется исследование периода правления Гедимина и немногочисленностью самих нарративов, сохранившихся с XIV в., а также практическим отсутствием памятников собственно белорусско-литовского летописания, относящихся к указанному периоду. В этой связи большую ценность представляют хроники, созданные на территории Немецкого ордена, польские нарративы, а также немногочисленные дипломатические источники.

В контексте данной статьи можно выделить два ключевых вопроса, касающихся начала княжения Гедимина, позволяющих обозначить наиболее дискуссионные проблемы, связанные с его приходом к власти. Во-первых, это проблема происхождения правителя, а значит – его легальные права занимать великокняжеский престол. Во-вторых – время и способ его прихода к власти.

Материал и методы. Исследование проведено на основании изучения и анализа данных русских, белорусско-литовских летописей, польских хроник, а также нарративов, созданных на территории Немецкого ордена. Привлечен широкий круг исследований, посвященных изучению эпохи Гедимина. Используются общесторические и специальные методы, в том числе сравнительно-исторический, формально-типологический, историко-системный, проблемно-хронологический, историко-генетический.

Результаты и их обсуждение. Как уже было сказано выше, Гедимин – одна из наиболее дискуссионных и неоднозначных фигур в ранней истории Великого княжества Литовского, в появлении и активной деятельности которого на великокняжеском престоле до сих пор остается много белых пятен. Связано это не только с малым количеством оригинальных, сохранившихся со времени его правления, письменных источников, главным образом, западного происхождения, но и с различной оценкой и полнотой освещения событий, происходивших на землях Литвы во время правления Гедимина. Кроме того, до сих пор нет четких доказательств того, откуда произошел литовский правитель, каким образом он получил престол после Витеня, а также каким образом и когда он стал основателем династии. Несмотря на то, что указанные вопросы в то или иное время рассматривались исследователями, до наших дней не создано цельной картины, позволившей ответить на вопрос, кем был Гедимин и как он стал правителем Литвы. Именно поэтому, с точки зрения автора, является необходимым рассмотреть два ключевых вопроса, связанных с началом княжения Гедимина.

Первый из них – дата рождения и происхождение Гедимина.

Точная дата рождения Гедимина неизвестна. Т. Нарбут называл 1257 г., однако данная дата ничем не подтверждена и не находит отражение в письменных источниках [1, с. 603]. Более вероятной считается дата около 1275 г., признаваемая в наши дни

большинством исследователей [8, с. 12; 9, с. 250–251].

Гораздо больше версий породил вопрос о происхождении правителя Литвы. Оно до сих пор остается дискуссионным и варьируется от узурпатора престола незнатного происхождения до кровного родственника Витеня, унаследовавшего место князя после его смерти.

Одним из первых проанализировал проблему версий о происхождении Гедимина историк конца XIX в. Ю. Вольф. Он изучил данные источников различного происхождения и выделил ключевые концепции происхождения основателя династии литовских правителей в связи с социо-политическими обстоятельствами их создания [4, с. 3]. Его работа была продолжена польским исследователем Г. Стадницким, а также рядом более поздних исследователей [5; 7].

Наиболее интересной критической версией о происхождении Гедимина, встречающейся в нарративах XV–XVI вв., является теория о его службе у Витеня в качестве конюшего, который убил своего хозяина и стал правителем. Ее можно найти у Яна Длугоша, Мартина Кромера, Мартина Бельского [8, с. 501]. Вообще же, данная теория возникла еще раньше, в среде хронистов Немецкого ордена, которые таким образом стремились принизить языческого противника, проводившего в отношении них активную и жесткую военную политику. Еще более усилилось стремление взять идеологический реванш со стороны крестоносцев и доказать отсутствие легитимности, низкий статус правящей в ВКЛ династии после поражения в Грюнвальдской битве [4, с. 6; 9, с. 88]. Тем не менее, большинство орденских хроник XIV – начала XV в. не отрицают законного права Гедимина называться правителем Литвы. Не уделяя ему большого внимания (что может объясняться жесткой политикой в отношении Немецкого ордена и манипулированием религией для достижения своих целей правителем Литвы), хронисты Ордена описывают основные вехи его правления и политики и называют «королем» [10; 11, с. 375].

Необходимо отметить, что на восточных границах ВКЛ аналогичная версия появилась также во время политического и военного противостояния литовских правителей и Московского государства и была направлена на принижение политического противника, доказательство нелегитимности правящей династии.

Вариант легенды о конюшестве Гедимина можно найти у А. Нарушевича, И.Н. Даниловича, Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева [12, с. 288; 13, 14]. Так, Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» писал о том, что «сей человек, разума и мужества необыкновенного, был конюшим литовского князя Витеня или, вероятно, Буйвида: злодейски умертвив государя своего, он присвоил себе господство над всей землей Литовской» [13, с. 127]. Разумеется, все перечисленные авторы использовали в своих сочинениях более ранние данные, созданные как раз в период острой борьбы между ВКЛ и Москвой. Так, по утверждению автора «Сказания о князьях Владимирских», относящегося в первой четверти XVI в., ве-

ликие князья литовские произошли от «Гегиминика» (Гедимина), который был рабом «Витенца» (Витеня) – мелкого вассала смоленского князя Ростислава Мстиславовича. «Гегиминик» был посажен в западных русских землях правителем для сбора дани, но вместо этого он обогатился и обособился, воспользовавшись ослаблением русских земель и их правителей. Сын же его Ольгерд впервые назвался князем после того, как тверской князь Михаил Александрович отдал за него замуж сестру свою Ульяну: «И от того часа наречется Ольгерд князем по жене своей великой княжне Ульяне» [15, с. 324]. Таким образом, был сделан вывод о том, что литовские правители обязаны своим княжеским родословием русским князьям. При этом и Гедимин, и Гедиминовичи были представлены узурпаторами власти над русскими землями, ущемляющими права династии Рюриковичей.

В годы Ливонской войны, шедшей за восточнославянские земли ВКЛ, в Москве при дворе русского царя Ивана IV была создана легенда о происхождении литовских правителей от полоцкой династии. Это было сделано для того, чтобы показать наследственное право полоцких князей на территории только их княжества и опровергнуть легитимность их возможных притязаний на другие восточнославянские земли, входящие когда-то в состав Руси. На переговорах 1562 г. московская сторона заявляла: «Только вспомнить старину, каким образом гетманы литовские Рогволодовичей Данила да Мовкольда на Литовское княжество взяли и каким образом великому государю Мстиславу Владимировичу Мономаху к Киеву дань давали, то не только что Русская земля, но и Литовская земля вся – вотчина государя нашего» [15, с. 324]. Эта фраза вошла в позднейшие московские летописные своды и именно оттуда была взята большинством белорусских историков XIX в., включая Адама Киркора [16, с. 98]. Последний утверждал, что династия великих князей литовских является славянской и имеет полоцкое происхождение. Согласно его концепции, великие князья использовали религию в стратегических целях и именно поэтому называли себя язычниками [16, с. 156]. Для подтверждения данной легенды он даже разместил в своей концепции истории белорусских земель генеалогическую таблицу полоцких князей, посредством которой и Гедимин, и Ольгерд, и Ягайло, и даже Витовт якобы имели полоцкое происхождение. Разумеется, документального подтверждения в современной исторической науке данная версия не находит и не соответствует действительности.

Противостоит вариантам легенд о конюшестве Гедимина, о его убийстве Витеня и узурпаторстве престола версия о законном происхождении правителя Литвы. Большая часть летописей и хроник как восточнославянских, так и европейских называют Гедимина сыном или братом Витеня.

Так, и «Хроника Быховца», и «Хроника Литовская и Жмойтская», и Матей Стрыйковский подчеркивают законность статуса Гедимина в качестве правителя,

называя его преемником литовских князей и основоположником династии [17, с. 277]. В «Хронике Литовской и Жмойтской» Гедимин называется полноправным преемником Витеня, его сыном, воцарившимся на престоле после смерти отца и проводившим выдающуюся политику, направленную на усиление ВКЛ и расширение его границ: «Гедимин, сын великого князя Витеня, сѢл на князствѢ отца своего Литовском, Жомойтском и Руском, а скоро осѢл на столицы» [18, л. 468]. Подчеркивается его легитимность и в упомянутой выше «Хронике Быховца»: “Naczało kniazenia wielikoho kniazia Gidymina na kniastwie Litowskom, Żmuydzkom y Ruskom. Buduczy wielikomu kniaziu Gidyminu po smerty otca swoieho Witenia na Wielikom kniazstwie Litowskom, Żmooykom i Ruskom” [19, л. 137].

Еще более глорификационную запись можно найти в «Летописи Рачинского», в которой о Гедимине говорится не только как о родоначальнике династии, законно сидящем на своем престоле, но и о великом дипломате и политике, при этом часть его достижений носит явно преувеличенный характер: «Будучи великому князю Кгидимину по смерти отца своего Витеня на Великом князстве Литовском, Руском и Жомойтском, и седечи на стольцы отца своего на Кернове...» [20, л. 241]. Такая позиция была в целом характерна для Третьего Белорусско-литовского свода. Примечательно также, что подробные записи о Гедимине, обоснование его легальных прав на престол, а также роль его в качестве основателя династии появляется в белорусско-литовских летописях только в XVI в. Очевидно, что для летописцев, живших на территории ВКЛ в это время, было необходимым подчеркнуть легитимность статуса родоначальника династии правителей, а также показать его достойным властителем своего народа. Это можно объяснить конфронтацией идей, особенностями социо-политических реалий, в условиях которых создавался тот или иной источник, а также необходимостью создать свою версию о законном происхождении династии Гедиминовичей, способной противостоять обличительным легендам, созданным в среде орденских хронистов и, главным образом, в Московском государстве.

Разумеется, следует осторожно подходить к идеализированному образу правителя, тем не менее, данные источников, а также анализ политики, проводимой Гедимином после вокняжения, а также его восприятие христианским сообществом, несомненно, доказывают его знатное происхождение, принадлежность к княжескому роду, а также легальное право занимать престол.

Наиболее ярким аргументом в пользу этой версии может быть проводимая Гедимином династическая политика, в результате которой все его сыновья и дочери женились или вышли замуж за представителей княжеских или королевских родов. Особенно красноречивым в указанном контексте может оказаться брак дочери Гедимина Альдоны (Анны) с сыном польского короля Владислава Локетка Казимиром.

Так, в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга содержится запись о том, что “Anno domini MCCCXXVI Loteko rex Polonie rogavit Gedeminum regem Lethowinorum, cujus filiam filius ejus noviter duxerat in uxorem, ut ei aliquos armigeros de gente sua mitteret” («В год от Рождества Христова 1326 Локетек, король Польши, попросил Гедимина, короля литвинов, чью дочь его сын только что взял в жены, чтобы он послал ему оруженосцев из народа своего») [10, с. 193; 21, с. 185]. Насколько ли возможным был такой династический союз, если бы Гедимин был узурпатором незнатного происхождения? Вряд ли. И хотя этот факт является лишь косвенным доказательством того, что Гедимин действительно имел все легальные права на великокняжеский престол, его нельзя не принимать во внимание.

Косвенным доказательством легальности его статуса может служить также титулатура, применяемая не только им самим в дипломатической переписке, но и в используемой в его отношении терминологии со стороны папского духовенства или других представителей европейского сообщества. Здесь мы говорим, прежде всего, о формулировке “Dei gratia ... Rex” (по милости Божьей) [22, с. 313–332]. Хотя только Миндовг, будучи коронованным, формально мог носить данный титул, его использование по отношению к Гедимину может говорить как минимум о легальности и признанности его статуса в глазах христианского мира и других правителей.

В то же время вопрос о том, кем же был Гедимин – сыном или братом Витеня – остается открытым. Не представляется достоверно точно определить и его династическое происхождение. Наряду с правдоподобными версиями в историографии можно найти мифические версии, возникшие, как отмечалось выше, в связи с теми или иными интересами создателей текстов нарративных источников.

Т. Нарбут говорил о том, что Витень относился к полоцкой династии и оставил после себя трех сыновей, в том числе Гедимина. В «Хронике Литовской и Жмойтской» есть запись о том, что после смерти Тройдена князем Литвы стал Витень, до этого маршалок Тройдена, а после него стал править его сын – Гедимин: «Витеня, маршалок бывший Тройдена, князя литовского, от Лаврентия князя, сына Тройденова, паном литовским, князем есть поданный, котрый му доброволне права дѢдичнаго уступил и на том князствѢ потвердил» [18; л. 467]. Версия о том, что Гедимин был сыном Витеня можно также найти в продолжении «Галицко-Волынской хроники», найденном в рукописи Бундура/ Яроцкого: «... нача княжити Кгедимин[ъ] Витунович[ъ] в лѣтвѣ в Новугородку и Керновѣ и воева на русь крѣпко» [23, с. 649].

Вместе с тем более широкое распространение получила версия о том, что Гедимин является братом Витеня. Эту версию поддерживали такие историки, как Ю. Вольф, А. Прохаска, а также современные исследователи – К. Петкевич, Р. Петраускас,

А. Бумблаускас и др. [24, с. 60; 25, с. 311; 26, с. 100]. Одна из наиболее развернутых гипотез встречается у Ю. Вольфа. Ссылаясь на «Хронику Быховца», он говорил о том, что Пукувер умер в 1292 или сразу после того, оставив после себя трех сыновей – Витеня, Гедимины и Воина [19, с. 13]. Кроме того, он допускал, что Гедимин мог захватить престол после смерти Витеня, когда тому унаследовал его сын, упомянутый в войне с Ливонией под 1310 г. [4, с. 12]. Хотя вполне вероятно, что единственный сын правителя Литвы, которого Г. Пашкевич называл Свальготе, погиб незадолго до Витеня в одном из сражений, а значит, не мог участвовать в борьбе за престол после смерти своего отца. Сведения о других детях Витеня известные нам источники не содержат [3, с. 165]. В качестве одного из ключевых доказательств в пользу данной теории Ю. Вольф привлекал обращение купцов Риги к Гедимину от 1323 г., в котором они выражали надежду на продолжение сотрудничества, которое было с братом и предшественником его Витенем: «Sicut Withene bone memorie frater vester et antecessor, nobiscum habiuit» [27, № 53]. Правда, здесь необходимо с осторожностью подходить к использованию данного термина в контексте подобного анализа, так как в источниках указанного периода термин «брат» часто использовался и в значении «союзник» и др. Кроме того, в письме Гедимины к Папе Иоанну XXII от 1323 г., правитель Литвы называет Витеня не отцом, но «предшественником нашим, королем Витенем», а в упомянутом выше письме рижан «братьями» называются и другие участники союза [27].

В то же время данная версия поддерживается и С.К. Роуэллом, который также называет Гедимины братом Витеня [5, р. 55]. Он предпринял попытку проследить родовой Гедимины и Витеня. Так, возникновение новой династии он отводит к периоду до 1289 г., когда государством правили братья Букидид и Пукувер (Будивид), отмечая, что точно идентифицировать их происхождение на данном этапе не представляется возможным. Предполагается, что предки Гедимины пришли из Аукшайтии и основали клан уже к 1219 г., что отличается принятой ранее версии о том, что они пришли из Жемайтии. Тем более, он считает, что они не имели близкой кровной связи с Тройденом [5, р. 54].

В сохранившихся источниках действительно нет деталей о родителях Пукувера. М. Гедройц считает, что Пукувер мог быть сыном одного из православных братьев Тройдена. Но этой версии нет подтверждения [28]. Не сохранилось также свидетельств, что у Тройдена были сыновья, хотя у него была дочь. Брак его правнука Болеслава-Юрия Галицкого с дочерью Гедимины в 1331 г., по мнению С.К. Роуэлла, противоречил бы каноническому закону в случае, если бы Гедимин был внуком Тройдена. Но опять-таки, данный факт нельзя принимать в качестве аргументированного доказательства, так как языческие правители не придерживались христианских норм, в том числе, в сфере династических связей. А кроме того, в средневековых

государствах было немало примеров кровных браков, которые постоянно рассматривала церковная администрация в XIII и XIV вв. [5, р. 53].

Еще одним источником, на который следует обратить внимание в контексте изучения данной проблемы – памятник XIV в. «Задонщина». В ней внуки Гедимины называются правнуками Сколоменда. Эта версия была рассмотрена в работах Е. Охманьского, С.К. Роуэлла, которые считают ее достаточно правдоподобной. Отмечая, что термин «правнук» означает также «дальний потомок, наследник», исследователи подчеркивают, что, возможно, Сколоменд являлся литовским правителем на поколение раньше Пукувера [29, с. 358–364]. К сожалению, записей о нем не сохранилось, если только не ассоциировать его со Скирмонтом, как это делал М. Гедройц, считая, что он мог быть Гирмантасом, дядей Тройдена [28]. Другой исследователь, литовский историк А. Никжентайтис указывал, что он мог быть братом Тройдена [2, р. 16].

Осложняет ситуацию также то, что источники не зафиксировали точной даты начала и конца правления Витеня. Он появляется в орденских хрониках в 1292 г. в военных кампаниях своего отца. Последнее же упоминание о нем можно найти в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга в связи с походом Литвы в Пруссию в сентябре 1315 г., в ходе которой литовцы понесли много потерь [9, с. 181–182]. Таким образом, Гедимин стал править Литвой на рубеже 1315 – 1316 гг. без указания точной датировки. К тому же, в историографии существует концепция диархического (совместного) правления Витеня и Гедимины в начале XIV в. (ок. 1305 – 1315/1316 гг.). Несмотря на то, что она не находит убедительных доказательств в письменных источниках, очевидно, что к указанному времени Гедимин занимал значимое место в политической иерархии Литвы и мог претендовать на занятие престола.

Заключение. Вопрос о происхождении Гедимины является одной из наиболее дискуссионных проблем в историографии, включающей в себя сразу несколько аспектов. Во-первых, это легальность статуса Гедимины в качестве правителя, то есть его происхождение, которое в письменных источниках варьируется от незнатного до княжеского. Во-вторых, в случае его знатного происхождения и принадлежности к правящему роду, к чему склоняется автор данной статьи в виду вышперечисленных аргументов, – степень его родства с Витенем. К сожалению, имеющиеся в сохранившихся источниках данные не позволяют точно ответить на поставленный вопрос, выступая спорными, и открывают поле для дальнейших исследований. Вполне вероятно, что Гедимин был если не сыном или братом Витеня, то, по крайней мере, его близким родственником. Так как уже в начале XIV в., еще до смерти правителя Литвы, он обладал значительной силой, участвовал в военных акциях и был известен хронистам, что позволило историкам даже говорить о диархии Витеня и Гедимины. Остается также открытым вопрос

о способе получения Гедимином власти над Литвой. Не представляется очевидной версия о его узурпаторстве или насильном захвате власти, так как в целом он являлся последователем политики, начатой при Витене. Более того, Гедимин апеллирует к своему предшественнику и к его успехам в дипломатической переписке, в том числе, в письмах к Папе Иоанну XXII, что вряд ли было бы возможным в случае насильного захвата власти.

Как бы то ни было, данная проблема видится автору не только дискуссионной, но перспективной в контексте изучения ранней истории ВКЛ с точки зрения изучения оснований власти его первых правителей, механизмов легитимизации их власти, а также ответа на вопрос: откуда пошла династия Гедиминовичей?

Данная статья подготовлена в рамках задания гранта БРФФИ по теме: «Механизмы легитимизации верховной власти в ВКЛ в середине XIII – середине XVI в.» (договор № Г20М-074 от 04.05.2020 г.).

Литература

1. Войтович, Л. Княжа доба: портрети еліти / Л. Войтович. – Біла Церква: Видавель Олександр Пшонківський, 2006. – 782 с.
2. Nikzentaitis, A. Gediminas / A. Nikzentaitis. – Vilnius: Vyriausioji enciklopediju redakcija, 1989. – 125 s.
3. Paszkiewicz, H. Jagiellonowie a Moskwa / H. Paszkiewicz. – Т. 1. – Warszawa, 1933. – 451 s.
4. Wolff, J. Rod Gedimina / J. Wolff. – Kraków: drukarnia Wł. L. Anczyca i Spółki, 1886. – 172 s.
5. Rowell, S.C. Lithuania ascending: a pagan empire within east-central Europe, 1295–1345 / S.C. Rowell. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 375 p.
6. Stadnicki, K. Synowie Gedymina / K. Stadnicki. – Т. 1: Monwid – Narymunt – Jawnuta – Koryat. – Lwow: drukarnia zakładu Narodowego Ossolinskich, 1849. – 272 s.
7. Tęgowski, J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów / J. Tęgowski. – Poznań–Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 1999. – 319 s.
8. Długosz, J. Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich. – Ks. 12: Т. 5. – Kraków: Czas, 1870. – 662 s.
9. Дмитриева, Р.П. Сказание о князьях Владимирских / Р. П. Дмитриева. – М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. – 465 с.
10. Peter von Dusburg, Chronicon terrae Prussiae / Peter von Dusburg // Scriptores rerum Prussicarum. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1861. – В. 1. – 454 s.
11. Wigand von Marburg Nowa kronika pruska / Wigand von Marburg; oprac. S. Zonenberg, K. Kwiatkowski. – Torun: TNT, 2017. – 666 s.
12. Danilowicz, I. Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, królewskich, książęcych, uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów / I. Danilowicz. – Wilno: s.n., 1860. – Т. 1. – 390 s.
13. Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – Кн. 1. – Т. 4. – М.: Книга, 1988.
14. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен: в 15-ти кн. / С.М. Соловьев. – Кн. 1: Т. 1–2. – М., 1959. – 818 с.
15. Щапов, Я.Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии / Я.Н. Щапов. – М.: Наука, 2004. – 368 с.
16. Киркор, А.К. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / А.К. Киркор. – Т. 3. – СПб.: тип. М.О. Вольф, 1882. – 490 с.
17. Strykowski, M. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego / M. Strykowski. – Warszawa : Wydawn. Artystyczne i Filmowe, 1985. – 392 s.
18. Хроника Литовская и Жмойтская // Полное собрание русских летописей / предисловие Н.Н. Улащика. – М.: Наука, 1975. – Т. 32. – 235 с.
19. Хроника Быховца // Полное собрание русских летописей / предисловие Н.Н. Улащика. – М.: Наука, 1975. – Т. 32. – 235 с.
20. Летопись Рачинского // Полное собрание русских летописей / предисловие Н.Н. Улащика. – М.: Наука, 1975. – Т. 32. – 235 с.
21. Петр из Дусбурга Хроника земли Прусской / под ред. В.И. Матузовой. – М.: Ладомир, 1997. – 384 с.
22. Adamus, J. O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń / J. Adamus // Kwartalnik historyczny. – R. 44. – Т. 1. Zesz. 1. – Lwów: Polskie Towarzystwo Historyczne, 1930. – S. 313–332.
23. Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / wyd., wstępem i przyp. opatrz. D. Dąbrowski, A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł. – Kraków–Warszawa, 2017. – 710 s.
24. Bumblauskas, A. Wielkie Księstwo Litewskie Wspólna historia, podzielona pamięć / A. Bumblauskas. – Warszawa: Museum Historii Polski – Bellona, 2014. – 328 s.
25. Петкевич, К. Великое княжество Литовское / К. Петкевич // Раннее государство. Его альтернативы и аналоги / ред. Л.Е. Гринин, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадин, А.В. Коротяев. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 280–334.
26. Петраускас, Р. Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства / Р. Петраускас // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2012. – № 1(11). – С. 95–116.
27. Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedemine illustrans. Gedimino laiškai / ed. by S.C. Rowell. – Vilnius: Leidykla Vaga, 2003.
28. Giedroyc, M. The Arrival of Christianity in Lithuania: Between Rome and Byzantium (1281–1341) / M. Giedroyc // Oxford Slavonic Papers. – 1987. – № 20. – P. 1–33.
29. Охманский, Е. Гедиминовичи – «правнуки Сколомендовы» / Е. Охманский // Польша и Русь. – М.: Наука, 1974. – С. 358–364.

Поступила в редакцию 04.05.2021